

Кн. обозрение. - 1998. - 3 марта (9). - с. 18-19.

— Тихон Николаевич, у вас роскошная библиотека. Какая книга повлияла на вас и вашу судьбу? Есть ли такая, к которой вы обращаетесь всю жизнь?

— У меня, действительно, огромная библиотека. Всю жизнь я думал, что к старости буду читать и перечитывать еще больше, но сейчас у меня уже стали плохо видеть глаза, поэтому читать почти не могу, да и партитуры пишу с лупой. Всю жизнь я много читал. У меня было много любимых книг и любимых писателей. Из поэзии я любил Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Есенина и Маяковского — вот, по-видимому, пять поэтов, которые были для меня критерием всего великого. Среди писателей — Лев Толстой. Очень любил «Жана-Кристофа» Ромена Роллана — это одна из моих любимых книг. Я много читал с самого детства — вплоть до полных собраний сочинений! Помнится, мы зачитывались «Юрием Милославским» Загоскина. Недавно с удовольствием его перечитал. Глаза не позволяют вернуться к тому, что хотелось бы прочитать или перечитать. Вот такие жизненные ситуации: сначала кажется, что жизнь невероятно длинная, и еще столько всего впереди, что успеешь все сделать... А на самом деле жизнь такая короткая... Мне уже будет 85 лет, а кажется, что 30-е годы были только вчера. Словно совсем недавно была премьера моих симфоний, моих опер... Человеческая жизнь очень коротка — так что надо жить в очень большом напряжении и собранности, чтобы что-то сделать в отведенное тебе время. И, конечно, необходима невероятная целеустремленность! Разбросанный человек ничего не успеет. Только — целеустремленность, собранность, дисциплина.

— А вы следовали этим принципам?

— Мне это всегда было присуще... Я всегда старался концентрировать больше внимания на главном для себя — на Музыке. От меня достаточно далеки материальные проблемы. Например, у меня как у Героя Социалистического Труда все бесплатно: квартира, электричество, телефон. Такой порядок ввел Лужков. Так что сейчас я живу при коммунизме и не боюсь никаких ограничений.

— И как вам работает «при коммунизме»?

— Живу, в общем, нормально, но не могу по себе судить обо всех. Сейчас наблюдается невостребованность современного музыкального творчества. В целом пробиться к исполнению крупного произведения — симфонического или оперного — невозможно: у театров для постановок опер нет денег. Я дружу с «Кремлевским балетом». Мне повезло в этом смысле: мои балеты ставятся, мне даже заказывают новые. Положение же моих коллег оставляет желать лучшего. Все они в подавляющем большинстве случаев материально живут очень плохо. Никто им не помогает. Союз композиторов, который раньше был очень сильной организацией, сейчас сам сидит без денег. Правда, я не знаю подробностей существования нынешнего Союза композиторов, потому что не принимаю сейчас никакого участия в его работе. Иногда мне звонят мои коллеги и товарищи, теперешние руководители этого Союза. Судя по их рассказам, положение весьма неприглядное.

У меня дела обстоят лучше потому, что и в России, и за рубежом много исполняется моей музыки; мои кинофильмы очень часто идут по всем телевизионным каналам: «Свинаярка и пастух», «В шесть часов вечера по-

сле войны», «Верные друзья», «Гусарская баллада»... Сейчас ТВ оплачивает показ фильмов, потому что мы подписали Берлинскую конвенцию по охране авторских прав. Я не любил писать музыку к фильмам, где она не имела серьезного, драматургического значения и где ее было мало. Я, в основном, занимался музыкальными фильмами. Эти фильмы, как их называют — «ретро», до сих пор волнуют людей. Когда они идут по ТВ, их с удовольствием смотрят, мне звонят по телефону...

поставлено и талантливо разыграно. Замечу, что Иоаким Георгиевич Шароев — профессор, очень талантливый режиссер и человек. Онставил много моих опер в театре им. Немировича-Данченко.

Кстати, опера «Голый король» в течение 10 лет идет и в петербургском театре Мусоргского. Там спектакль получился совсем другим. Собственно, для них я и писал эту оперу в 1987 году. С тех пор дети смотрят ее с восторгом. За последние пятнадцать лет я написал три ко-

очень много людей со всего Советского Союза, и я считал обязательным для себя делом помочь им. Как у депутата ВС СССР у меня был Смоленский избирательный округ, в который входили Брянская, Калужская, Смоленская области. Потом меня перебросили депутатом в Дагестан. Там у меня осталось много друзей. Например, Расул Гамзатов, которого я считаю гениальным поэтом.

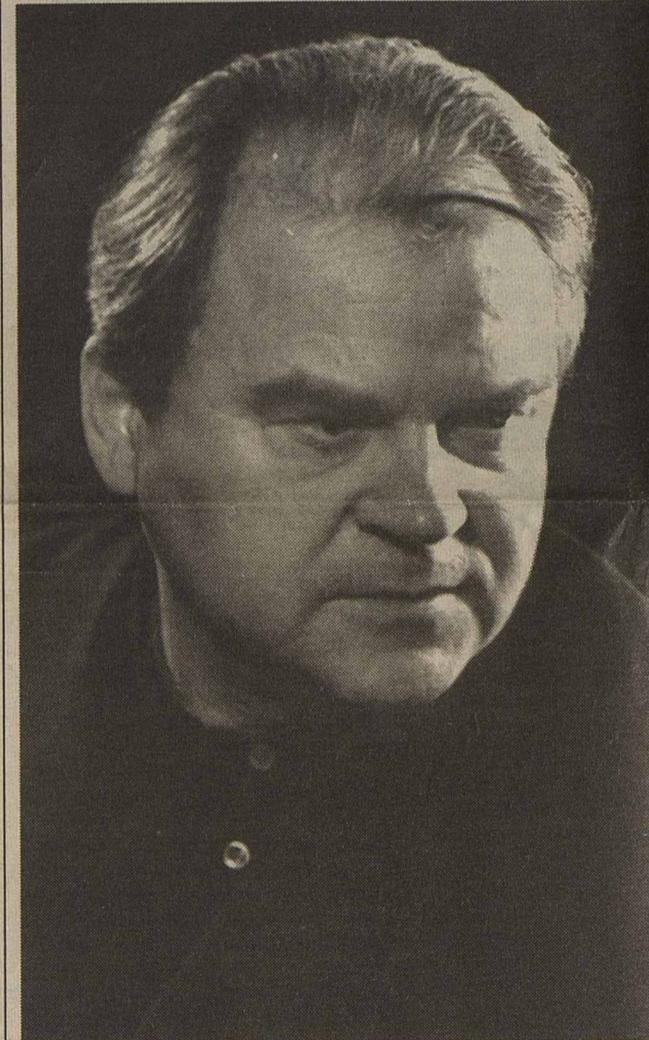
— Как вам удавалось совмещать творчество и общественную деятельность?

— Прежде всего успех фильмов «Свинаярка и пастух» и «В шесть часов вечера после войны» я бы объяснил талантливостью кинорежиссера Ивана Пырьева и сценариста Виктора Гусева. Гусев был талантливейшим поэтом, он очень рано умер — в 33 года, и даже не увидел картины «В шесть часов вечера после войны», поставленной по его сценарию.

А потом — песни в этих фильмах были отмечены актуальностью своего содержания. Мы заканчивали «Свинаярку и пастуха» в конце июня 1941 года — в самом начале войны. В эти трагические дни я думал, что у фильма не будет никакого будущего. На фронте — драматические события, а у нас в комедии — любовный сюжет, кавказец влюбляется в северянку... Кого это могло волновать?! Как и все композиторы, писал в это время военные песни. Среди них были наиболее популярными «Все за Родину», «Есть на Севере хороший городок» и, по-моему, самая удачная, сочиненная в начале войны песня «Прощание» («Иди, любимый, мой родной»)... В начале осени 1941 года я уехал проводить свою семью, которая находилась в эвакуации в Свердловске. Думал, через месяц вернусь. Но наступила середина октября, когда из Москвы все бежали. В Москву не пускали. Вернуться я не смог и остался с семьей в эвакуации. Я забыл про картину и думал, что все кончено, ничего из этого не выйдет. Застрял в Свердловске, я засел за музыку спектаклю «Давным-давно», который собирался поставить руководитель Театра Красной Армии Алексей Попов (этот театр также находился в эвакуации в Свердловске). Вдруг читал в «Правде» восторженную статью Алексея Толстого о фильме «Свинаярка и пастух». Я просто обалдел. Картина эта пошла, она принималась с таким невероятным ажиотажем, на нее невозможно было попасть! Фильм был о мирной жизни, о любви, о Сельскохозяйственной выставке, которую открывали 1 августа 1939 года. К ней долго готовились. Открытие было торжественным, праздничным. Газеты рассказывали о разных павильонах, публиковали их фотографии. Выставка представляла собой едва ли не апофеоз той самой слепой веры в торжество социалистического строя, которая

В НЫНЕШНЕМ ГОДУ композитору ТИХОНУ ХРЕННИКОВУ исполняется 85 лет. Его творчество составляет целую эпоху в российской музыкальной культуре. Награжденный почти всеми наградами и премиями СССР, Герой Социалистического Труда и Народный артист СССР, он четыре с лишним десятилетия возглавлял Союз композиторов СССР. Но «главным певцом страны» Тихон Хренников стал совсем не поэтому: его песни становились хитами советских десятилетий — будь то жизнерадостные и сентиментальные шлягеры из кинофильмов «Свинаярка и пастух» и «Верные друзья» или — задорные и искрометные куплеты из «Гусарской баллады». На боевом счету композитора — оперы «Доротея», «В бурю», «Фрол Скобеев», «Мать», «Золотой теленок», «Голый король» и др., балеты «Любовью за любовь», «Наполеон Бонапарт», «Гусарская баллада», оперетты «Сто чертей и одна девушка», «Белая ночь»...

Мы встретились с композитором у него дома.

Как раз сейчас я очень много работаю. В 1995 году «Кремлевский балет» поставил моего «Наполеона Бонапарта». Затем руководитель этой труппы — талантливый хореограф Андрей Петров заказал мне новый балет — «Капитансскую дочку» по Пушкину. Он должен быть поставлен к 200-летнему юбилею поэта. Музыка к «Капитанской дочке» уже написана, сейчас я ее уже оркеструю, пишу партии. Так что я все время занят работой. У меня нет недостатка в желании работать, тем более это желание подталкивается все время желаниями других — заказами, просьбами... В этом смысле я не могу жаловаться на свою нынешнюю судьбу.

Кроме того, много моих вещей исполняется в театрах и на концертах. В ГИТИСе И.Шароев со своими студентами поставил оперу по пьесе Е.Шварца «Голый король» (тексты в свое время написал Роберт Рождественский). Студенты Шароева — очень талантливые ребята — будущие мастера эстрады. Правда, опера идет не под оркестр, а под синтезатор, но ничего, главное, очень талантливо

музыкальные оперы: «Обручение в монастыре» («Доротея») — на сюжет английского драматурга Шеридана (когда-то я писал музыку к кинофильму «Дуэнья» по этой пьесе), «Золотой теленок» и уже упомянутую мной оперу-буфф «Голый король». В это же время мною были написаны: Соната для виолончели, Квартет, Пять романсов на стихи Бунина, 4-й концерт для рояля с камерным струнным оркестром (он тоже довольно часто исполняется)...

— У вас налажена обратная связь со своими слушателями и зрителями?

— Я получал колоссальное количество писем. Ведь я был не только композитором, но и пианистом: играл свои сочинения по всему миру. Так что связь со слушателями была непосредственная. К тому же с 1950 года я был депутатом Верховного Совета РСФСР, а с 1962 года — депутатом Верховного Совета СССР. К своей депутатской деятельности я относился с очень большой серьезностью. Поэтому, наверное, был популярным депутатом. Ко мне обращались не только мои избиратели, но и

— У меня были секретари, которые, например, мне помогали разобраться с письмами (самому справиться было нельзя, для этого нужно было бы бросить всю остальную работу!). Письма были самые разные: невероятные, трагические, комические... Ответы я только надиктовывал; писали и подготавливали их мои секретари.

И вообще для меня всегда самым главным было сочинение музыки. В Союз композиторов я ходил обычно во второй половине дня, а с утра сидел и работал. Так я организовал свой день. Иначе было бы невозможно что-то делать... Для меня было трагедией назначение Сталина, потому что я не готовился быть руководителем Союза композиторов, это было не в моем характере. Когда я приехал домой ночью из ЦК и прочитал сталинский указ, моя жена Клара зарыдала, она знала, что я готовился быть только композитором, хотел только сочинять музыку. Но вот так получилось...

— Вы — автор музыки и певец к кинофильмам «Свинаярка и пастух», «Верные друзья», «Гу-

арская баллада». В каждом из этих фильмов, говоря сегодняшним языком, были хиты своего времени. В чем секрет ваших песен?

— Прежде всего успех фильмов «Свинаярка и пастух» и «В шесть часов вечера после войны» я бы объяснил талантливостью кинорежиссера Ивана Пырьева и сценариста Виктора Гусева. Гусев был талантливейшим поэтом, он очень рано умер — в 33 года, и даже не увидел картины «В шесть часов вечера после войны», поставленной по его сценарию.

А потом — песни в этих фильмах были отмечены актуальностью своего содержания. Мы заканчивали «Свинаярку и пастуха» в конце июня 1941 года — в самом начале войны. В эти трагические дни я думал, что у фильма не будет никакого будущего. На фронте — драматические события, а у нас в комедии — любовный сюжет, кавказец влюбляется в северянку... Кого это могло волновать?! Как и все композиторы, писал в это время военные песни. Среди них были наиболее популярными «Все за Родину», «Есть на Севере хороший городок» и, по-моему, самая удачная, сочиненная в начале войны песня «Прощание» («Иди, любимый, мой родной»)... В начале осени 1941 года я уехал проводить свою семью, которая находилась в эвакуации в Свердловске. Думал, через месяц вернусь. Но наступила середина октября, когда из Москвы все бежали. В Москву не пускали. Вернуться я не смог и остался с семьей в эвакуации. Я забыл про картину и думал, что все кончено, ничего из этого не выйдет. Застрял в Свердловске, я засел за музыку спектаклю «Давным-давно», который собирался поставить руководитель Театра Красной Армии Алексей Попов (этот театр также находился в эвакуации в Свердловске). Вдруг читал в «Правде» восторженную статью Алексея Толстого о фильме «Свинаярка и пастух». Я просто обалдел. Картина эта пошла, она принималась с таким невероятным ажиотажем, на нее невозможно было попасть! Фильм был о мирной жизни, о любви, о Сельскохозяйственной выставке, которую открывали 1 августа 1939 года. К ней долго готовились. Открытие было торжественным, праздничным. Газеты рассказывали о разных павильонах, публиковали их фотографии. Выставка представляла собой едва ли не апофеоз той самой слепой веры в торжество социалистического строя, которая

была характерна в целом для 30-х годов. Это была торжественная кульминация, иллюзия массовой праздничности... Фильм «Свинаярка и пастух» в самые драматические и трагические дни осени 1941 года оказался как никогда кстати. Его смотрели по несколько раз — смотрели и плакали, вспоминая свою довоенную жизнь. Песни из фильма распевались повсюду. Картина, на которой мы уже поставили крест, вдруг оказалась в центре внимания общественности, прессы. Она сразу была выдвинута на Сталинскую премию и получила ее. Совершенно неожиданно фильм оказался невероятно волнующим. Он был весь на музыке. Какая музыка — это уже не мне судить. Во всяком случае, песни из фильма стали популярны. Например, песня о Москве «Хорошо на московском просторе» поется до сих пор и была центральной песней во время празднования 850-летия столицы...

Так что все, что воспринималось народом с волнением, с трепетом, все это живет и не может не жить, потому что народ откликается только на настоящую

щее. И фильм «Свинарка и пастух» оказался таким волнующим — и в те годы, и сейчас, когда его показывают по многим телеканалам.

В конце 1943 года Пырьев предложил мне написать музыку к следующему фильму, по сценарию Виктора Гусева «В шесть часов вечера после войны». Я прочитал этот сценарий с восторгом: в самый разгар военных событий мы должны были снять картину о конце войны, о встрече влюбленных на московском мосту у Кремля. Эта картина оказалась пророческой. Многое из того, что было нами придумано, потом вошло в жизнь: многие зрители, разъединенные войной, успевали о встрече после войны на мосту у Кремля. Это было предвидением конца войны. Ну, а песню из фильма «Марш артиллеристов» наши артиллеристы сделали чуть ли не своим гимном.

На фронте я постоянно встречал у бойцов жажду музыки. Нашим современникам, вооруженным различными переносными магнитофонами, плеерами, телевизорами, трудно представить, что значило для окружавших меня тогда людей появление человека, который мог играть на музыкальном инструменте. Была ли музыка для них душевной потребностью или просто воспоминанием о мирной жизни? Никто из них не знал, услышит ли все это завтра. Говорят, война есть война. Но вот однажды в предместье Берлина (мы были в армии генерала Чуйкова) раздались звуки: кто-то заиграл финал Первой сонаты Бетховена. Я бросился на улицу, за мной остальные: кто может играть здесь в такую пору? Мы увидели на улице около пианино группу солдат. Один из них держал в руке маленький огарок свечи и прикрывал его, чтобы осветить клавиатуру. У инструмента стояла девушка в военной форме, которая и играла финал сонаты Бетховена. Спрашивала:

— Откуда вы?

— Из Ленинградского полка, забежала попить. Вижу — стоит пианино, я студентка Ленинградской консерватории. Давно не играла и вот — играю...

Я, было, стал расспрашивать — имя, фамилию, но девушка заторопилась догонять свою часть...

— Тихон Николаевич, в этом году вам исполняется 85 лет. Вы — патриарх отечественной песни. Что вам нравится и что не нравится в современной песне?

— Во-первых, я не собираюсь праздновать никаких юбилеев... Во-вторых, есть композиторы более талантливые, чем я в песенном жанре. Например, такой самородок, как Соловьев-Седой. Я считаю его гениальным композитором в жанре песни. Или — Исаак Дунаевский. Блестящий был композитор. Или — Анатолий Новиков: его «Гимн демократической молодежи мира» пела вся планета. Это — классики нашей песни. Так что никакой я не патриарх. Были патриархи и до меня — не менее талантливые люди...

В середине 80-х наша песенная традиция была, нет, не утешена, а задушена. Задушена политикой каналов массовой информации и прежде всего начальством телевидения и теми людьми, которые им руководили из ЦК. Самое прискорбное, что свои действия они прикрывали понятием «перестройка», которое, когда оно только зазвучало в нашем быту, воспринималось однозначно положительно, с каким бы смыслом и при каких бы обстоятельствах оно ни употреблялось.

То, что происходит сейчас... это — не песня, это ерунда. У того, что нынче выдается за песню, нет элементарной мелодической основы. Это просто стряпня

дилетантствующих музыкантов, которые решили, что они композиторы. Чтобы стать настоящим композитором, нужно прорваться, как минимум, 15 лет. А сейчас «композиторы» нажмут на компьютере три ноты, потом компьютер эти же три ноты соркеструет и даст им какую-то ритмическую основу... Я не знаю ни одной хорошей современной песни!

— Вы полагаете, что нашим композиторам хорошо бы подучиться?

— Всем надо учиться. Вообще, для того, чтобы стать мастером в какой-либо профессии, надо учиться. А все эти песни — какой-то мусор искусства. Разве это как-то прививается? Разве их поют? Ну, девочки и мальчишки — они иногда прихлопывают, притопывают в такт этим песням. Много ли им надо? Молодость, темперамент...

Чтобы работать в настоящем искусстве, надо быть профессионалом. Написать хорошую песню, может быть, даже труднее, чем написать симфонию, потому что в симфоническом жанре можно за многое спрятаться. В песне ты никуда не спрячешься — есть мелодия, которая действует на человеческое сердце, которая захватывает его всего. Вот почему я говорю, что Соловьев-Седой был гениальный и самобытный композитор: он ни на кого не похож. Если у каких-то других композиторов песни могут быть откуда-то, то у него это — абсолютно самобытное песенное искусство. Я считаю его самым великим композитором нашей советской песни.

— А если перейти к нашему сегодняшнему дню, совсем нет имен?

— Исполнители есть — более талантливые, менее талантливые... Но я не вижу таких, которые бы особенно трогали мое сердце. Даже Большой театр сейчас опустился до такого уровня, что не представляется ни для кого ни образца, ни силы, ни увлекательности. Это не брюзжение старика, я говорю объективно. Еще, слава Богу, что работают и пишут песни Александра Пахмутова, Андрей Петров, Оскар Фельцман, Марк Минков. Я знаю, сейчас есть талантливые молодые композиторы, но они, к сожалению, работают только в крупной форме. Это очень трудно сейчас — завоевывать свое место в искусстве. Вот среди моих учеников есть Саша Чайковский — талантливейший композитор, который занимался

у меня с самых своих отроческих лет. Сейчас он уже сам профессор, руководитель композиторской кафедры Московской консерватории, где я преподаю с 1964 года. За это время из моего композиторского класса вышло около 200 студентов. Из них многие проявили себя очень ярко. Могу назвать Вячеслава Овчинникова (помните, им написана музыка к фильму «Война и мир» Бондарчука); затем Татьяну Чудову, она тоже бывшая моя ученица, а теперь профессор и ассистент в моем композиторском классе. Учились у меня и Владимир Дубинин (автор музыки к опере «Аукцион» по пьесе Шеридана), и Валерия Беседина (ее балет «Суламифь» идет сейчас в Театре им. Немировича-Данченко), и Михаил Броннер... Все они — талантливы и любими мной.

Талантливым людям сейчас очень сложно выбраться на поверхность, так как, чтобы какнибудь оркестр тебя сыграл, нужно оркестру платить. А откуда у молодых композиторов деньги? Так что талантливых, профессиональных композиторов у нас много... Но, увы...

А вот в области песни я не знаю ни одного человека. У Николаева раньше были отдельные песни. У Макаревича я что-то слышал. Но это не то песенное

творчество, которое захватывает сердца стилистическим единством.

— Как вы относитесь к использованию в музыке технических достижений — синтезаторов, звуковых спецэффектов и т.д.?

— Я не поклонник этого в музыке. Электромузыка эмоционально очень ограничена. В чем величие искусства? В человеческой индивидуальности. Человек вкладывает в искусство свои эмоции, переживания, душу. А электроинструмент делает бездушную музыку. Я к ней отношусь хорошо: как всякая декоративная вещь, она имеет свой смысл и может быть использована в прикладных целях. Но заменить Искусство она не может, потому что ни человеческую руку, ни человеческую голову, ни человеческое сердце ничего не может заменить. В этом и заключается искусство!

— У каждого времени — своя музыка...

— У меня в музыке три бога: Бах, Чайковский и Прокофьев. Это — совершенно разные стили, разные эпохи, но они всегда были для меня ориентирами. Бах — величие человеческого духа. Чайковский — человечность, сердце. И Прокофьев — жизнеутверждение с неимоверной силой и оригинальностью: он является последователем всего великого, что было до него, и в то же время открыл совершенно новую сферу музыкального искусства. Это и есть путеводные звезды в моей жизни.

— На вашем жизненном пути встречались люди, составляющие цвет страны, соль Земли. Встречи с кем из них наиболее отложились в вашей душе и памяти?

— У меня было столько встреч со столькими людьми — начиная со Сталина и кончая незаметными, но очень талантливыми личностями, с которыми было приятно встречаться и общаться... Рассказать обо всех невозможно. О самых ярких своих встречах я попытался написать в книге воспоминаний «Так это было», которая вышла четыре года назад. Там есть и целый ряд документов, которые раскопали в архивах ЦК...

Одной из самых ярких моих встреч была встреча с Немировичем-Данченко, заказавшим мне, студенту консерватории, оперу «В бурю», которую он поставил в 1939 году в своем оперном театре...

Я дружил с крупнейшими людьми нашей культуры: с Александром Фадеевым, Наталией Сац, с Еленой Фобиановой и Михаилом Фобиановичем Гнесиным, оставившими после себя такой «комбинат искусств» — Академию Гнесиных. Моими учителями были — по композиции тот же Михаил Фобианович Гнесин, потом — Генрих Ильич Лягинский, потом — Виссарион Яковлевич Шебалин. По фортепиано я учился сначала у Кельмана, потом у Нейгауза. Эти крупнейшие музыканты впоследствии стали моими друзьями, и общение с ними оказывало на меня большое и полезное влияние...

Свою книгу «Так это было», вышедшую четыре года назад, Тихон Николаевич закончил так: «Мог бы еще о многом рассказать... Жизнь стремительно изменилась. А события 19—21 августа 1991 года и вовсе стремительно опрокинули десятилетиями складывавшиеся устои и представления. Мы шагнули в другой мир. Надо думать, как жить дальше».

Беседовали
Евгения УЛЬЧЕНКО
и Александр БЕЛЯЕВ.

Фото Н.КОЧНЕВА.

— Тихон Николаевич, у вас роскошная библиотека. Какая книга повлияла на вас и вашу судьбу? Есть ли такая, к которой вы обращаетесь всю жизнь?

— У меня, действительно, огромная библиотека. Всю жизнь я думал, что к старости буду читать и перечитывать еще больше, но сейчас у меня уже стали плохо видеть глаза, поэтому читать почти не могу, да и партитуры пишу с лупой. Всю жизнь я много читал. У меня было много любимых книг и любимых писателей. Из поэзии я любил Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Есенина и Маяковского — вот, по-видимому, пять поэтов, которые были для меня критерием всего великого. Среди писателей — Лев Толстой. Очень любил «Жана-Кристофа» Ромена Роллана — это одна из моих любимых книг. Я много читал с самого детства — вплоть до полных собраний сочинений! Помнится, мы зачитывались «Юрием Милославским» Загоскина. Недавно с удовольствием его перечитал. Глаза не позволяют вернуться к тому, что хотелось бы прочитать или перечитать. Вот такие жизненные ситуации: сначала кажется, что жизнь невероятно длинная, и еще столько всего впереди, что успеешь все сделать... А на самом деле жизнь такая короткая... Мне уже будет 85 лет, а кажется, что 30-е годы были только вчера. Словно совсем недавно была премьера моих симфоний, моих опер... Человеческая жизнь очень коротка — так что надо жить в очень большом напряжении и собранности, чтобы что-то сделать в отведенное тебе время. И, конечно, необходима невероятная целеустремленность! Разбросанный человек ничего не успеет. Только — целеустремленность, собранность, дисциплина.

— А вы следовали этим принципам?

— Мне это всегда было присуще... Я всегда старался концентрировать больше внимания на главном для себя — на Музыке. От меня достаточно далеки материальные проблемы. Например, у меня как у Героя Социалистического Труда все бесплатно: квартира, электричество, телефон. Такой порядок ввел Лужков. Так что сейчас я живу при коммунизме и не боюсь никаких ограничений.

— И как вам работает «при коммунизме»?

— Живу, в общем, нормально, но не могу по себе судить обо всех. Сейчас наблюдается невостребованность современного музыкального творчества. В целом пробиться к исполнению крупного произведения — симфонического или оперного — невозможно: у театров для постановок опер нет денег. Я дружу с «Кремлевским балетом». Мне повезло в этом смысле: мои балеты ставятся, мне даже заказывают новые. Положение же моих коллег оставляет желать лучшего. Все они в подавляющем большинстве случаев материально живут очень плохо. Никто им не помогает. Союз композиторов, который раньше был очень сильной организацией, сейчас сам сидит без денег. Правда, я не знаю подробностей существования нынешнего Союза композиторов, потому что не принимаю сейчас никакого участия в его работе. Иногда мне звонят мои коллеги и товарищи, теперешние руководители этого Союза. Судя по их рассказам, положение весьма неприглядное.

У меня дела обстоят лучше потому, что и в России, и за рубежом много исполняется моей музыки; мои кинофильмы очень часто идут по всем телевизионным каналам: «Свинарка и пастух», «В шесть часов вечера по-

сле войны», «Верные друзья», «Гусарская баллада»... Сейчас ТВ оплачивает показ фильмов, потому что мы подписали Бернскую конвенцию по охране авторских прав. Я не любил писать музыку к фильмам, где она не имела серьезного, драматургического значения и где ее было мало. Я, в основном, занимался музыкальными фильмами. Эти фильмы, как их называют — «ретро», до сих пор волнуют людей. Когда они идут по ТВ, их с удовольствием смотрят, мне звонят по телефону...

поставлено и талантливо разыграно. Замечу, что Иоаким Георгиевич Шароев — профессор, очень талантливый режиссер и человек. Онставил много моих опер в театре им. Немировича-Данченко.

Кстати, опера «Голый король» в течение 10 лет идет в петербургском театре Мусоргского. Там спектакль получился совсем другим. Собственно, для них я и писал эту оперу в 1987 году. С тех пор дети смотрят ее с восторгом. За последние пятнадцать лет я написал три ко-

очень много людей со всего Советского Союза, и я считал обязательным для себя делом помочь им. Как у депутата ВС СССР у меня был Смоленский избирательный округ, в который входили Брянская, Калужская, Смоленская области. Потом меня перебросили депутатом в Дагестан. Там у меня осталось много друзей. Например, Расул Гамзатов, которого я считаю гениальным поэтом.

— Как вам удавалось совмещать творчество и общественную деятельность?

«Сарская баллада». В каждом из этих фильмов, говоря сегодняшним языком, были хиты своего времени. В чем секрет ваших песен?

— Прежде всего успех фильмов «Свинарка и пастух» и «В шесть часов вечера после войны» я бы объяснил талантливостью кинорежиссера Ивана Пырьева и сценариста Виктора Гусева. Гусев был талантливейшим поэтом, он очень рано умер — в 33 года, и даже не увидел картины «В шесть часов вечера после войны», поставленной по его сценарию.

А потом — песни в этих фильмах были отмечены актуальностью своего содержания. Мы заканчивали «Свинарку и пастуха» в конце июня 1941 года — в самом начале войны. В эти трагические дни я думал, что у фильма не будет никакого будущего. На фронте — драматические события, а у нас в комедии — любовный сюжет, кавказец влюбляется в северянку... Кого это могло волновать?! Как и все композиторы, писал в это время военные песни. Среди них были наиболее популярными «Все за Родину», «Есть на Севере хороший городок» и, по-моему, самая удачная, сочиненная в начале войны песня «Прощание» («Иди, любимый, мой родной»)... В начале осени 1941 года я уехал проводить свою семью, которая находилась в эвакуации в Свердловске. Думал, через месяц вернусь. Но наступила середина октября, когда из Москвы все бежали. В Москву не пускали. Вернуться я не смог и остался с семьей в эвакуации. Я забыл про картину и думал, что все кончено, ничего из этого не выйдет. Застряв в Свердловске, я засел за музыку к спектаклю «Давным-давно», который собирался поставить руководитель Театра Красной Армии Алексей Попов (этот театр также находился в эвакуации в Свердловске). Вдруг читал в «Правде» восторженную статью Алексея Толстого о фильме «Свинарка и пастух». Я просто обалдел. Картина эта пошла, она принималась с таким невероятным ажиотажем, на нее невозможно было попасть! Фильм был о мирной жизни, о любви, о Сельскохозяйственной выставке, которую открывали 1 августа 1939 года. К ней долго готовились. Открытие было торжественным, праздничным. Газеты рассказывали о разных павильонах, публиковали их фотографии. Выставка представляла собой едва ли не апофеоз той самой слепой веры в торжество социалистического строя, которая

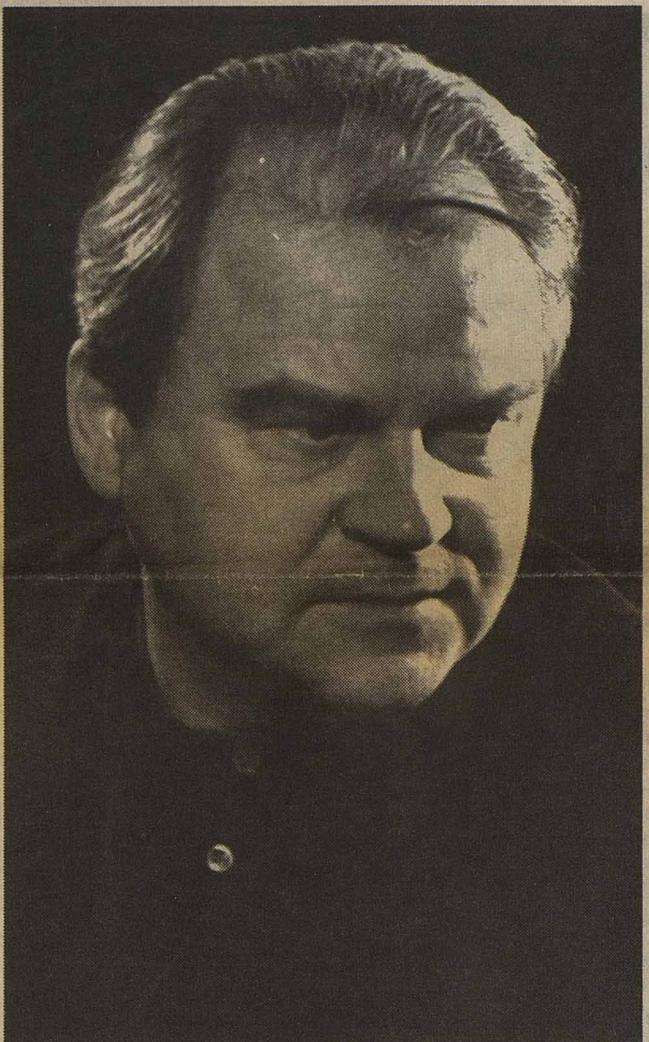
была характерна в целом для 30-х годов. Это была торжественная кульминация, иллюзия массовой праздничности... Фильм «Свинарка и пастух» в самые драматические и трагические дни осени 1941 года оказался как никогда кстати. Его смотрели по нескольку раз — смотрели и плакали, вспоминая свою добовенную жизнь. Песни из фильма распевались повсюду. Картина, на которой мы уже поставили крест, вдруг оказалась в центре внимания общественности, прессы. Она сразу была выдвинута на Сталинскую премию и получила ее. Совершенно неожиданно фильм оказался невероятно волнующим. Он был весь на музыке. Какая музыка — это уже не мне судить. Во всяком случае, песни из фильма стали популярными. Например, песня о Москве «Хорошо на московском просторе» поется до сих пор и была центральной песней во время празднования 850-летия столицы...

— У меня были секретари, которые, например, мне помогали разобраться с письмами (самому справиться было нельзя, для этого нужно было бы бросить всю остальную работу!). Письма были самые разные: невероятные, трагические, комические... Ответы я только надиктовывал; писали и подготавливали их мои секретари.

И вообще для меня всегда самым главным было сочинение музыки. В Союз композиторов я ходил обычно во второй половине дня, а с утра сидел и работал. Так я организовал свой день. Иначе было бы невозможно что-то делать... Для меня было трагедией назначение Сталина, потому что я не готовился быть руководителем Союза композиторов, это было не в моем характере. Когда я приехал домой ночью из ЦК и прочитал сталинский указ, моя жена Клара зарыдала, она знала, что я готовился быть только композитором, хотел только сочинять музыку. Но вот так получилось.

— Вы — автор музыки и песен к кинофильмам «Свинарка и пастух», «Верные друзья», «Гу-

Тихон Хренников: «Многие книги хотелось бы сейчас перечитать...»

Как раз сейчас я очень много работаю. В 1995 году «Кремлевский балет» поставил моего «Наполеона Бонапарта». Затем руководитель этой труппы — талантливый хореограф Андрей Петров заказал мне новый балет — «Капитансскую дочку» по Пушкину. Он должен быть поставлен к 200-летнему юбилею поэта. Музыка к «Капитанской дочке» уже написана, сейчас я ее уже оркеструю, пишу партитуры. Так что я все время занят работой. У меня нет недостатка в желании работать, тем более это желание подталкивается все время желаниями других — заказами, просьбами... В этом смысле я не могу жаловаться на свою нынешнюю судьбу.

Кроме того, много моих вещей исполняется в театрах и на концертах. В ГИТИСе И.Шароев со своими студентами поставил оперу по пьесе Е.Шварца «Голый король» (тексты в свое время написал Роберт Рождественский). Студенты Шароева — очень талантливые ребята — будущие мастера эстрады. Правда, опера идет не под оркестр, а под синтезатор, но ничего, главное, очень талантливо

мические оперы: «Обручение в монастыре» («Доротея») — на сюжет английского драматурга Шердана (когда-то я писал музыку к кинофильму «Дуэнья» по этой пьесе), «Золотой теленок» и уже упомянутую мной оперу-буфф «Голый король». В это же время мною были написаны: Соната для виолончели, Квартет, Пять романсов на стихи Бунина, 4-й концерт для рояля с камерным струнным оркестром (он тоже довольно часто исполняется)...

— У вас налажена обратная связь со своими слушателями и зрителями?

— Я получал колоссальное количество писем. Ведь я был не только композитором, но и пианистом: играл свои сочинения по всему миру. Так что связь со слушателями была непосредственная. К тому же с 1950 года я был депутатом Верховного Совета РСФСР, а с 1962 года — депутатом Верховного Совета СССР. К своей депутатской деятельности я относился с очень большой серьезностью. Поэтому, наверное, был популярным депутатом. Ко мне обращались не только мои избиратели, но и

щее. И фильм «Свинарка и пастух» оказался таким волнующим — и в те годы, и сейчас, когда его показывают по многим телеканалам.

В конце 1943 года Пырьев предложил мне написать музыку к следующему фильму, по сценарию Виктора Гусева «В шесть часов вечера после войны». Я прочитал этот сценарий с восторгом: в самый разгар военных событий мы должны были снять картину о конце войны, о встрече влюбленных на московском мосту у Кремля. Эта картина оказалась пророческой. Многое из того, что было нами придумано, потом вошло в жизнь: многие зрители, разъединенные войной, уславливались о встрече после войны на мосту у Кремля. Это было предвидением конца войны. Ну, а песню из фильма «Марш артиллеристов» наши артиллеристы сделали чуть ли не своим гимном.

На фронте я постоянно встречал у бойцов жажду музыки. Нашим современникам, вооруженным различными переносными магнитофонами, плеерами, телевизорами, трудно представить, что значило для окружавших меня тогда людей появление человека, который мог играть на музыкальном инструменте. Была ли музыка для них душевной потребностью или просто воспоминанием о мирной жизни? Никто из них не знал, услышит ли все это завтра. Говорят, война есть война. Но вот однажды в предместье Берлина (мы были в армии генерала Чуйкова) раздались звуки: кто-то заиграл финал Первой сонаты Бетховена. Я бросился на улицу, за мной остальные: кто может играть здесь в такую пору? Мы увидели на улице около пианино группу солдат. Один из них держал в руке маленький огарок свечи и прикрывал его, чтобы осветить клавиатуру. У инструмента стояла девушка в военной форме, которая и играла финал сонаты Бетховена.

Спрашиваю:

— Откуда вы?

— Из Ленинградского полка, забежала попить. Вижу — стоит пианино, я студентка Ленинградской консерватории. Давно не играла и вот — играю...

Я, было, стал расспрашивать — имя, фамилию, но девушка заторопилась догонять свою часть...

— Тихон Николаевич, в этом году вам исполняется 85 лет. Вы — патриарх отечественной песни. Что вам нравится и что не нравится в современной песне?

— Во-первых, я не собираюсь праздновать никаких юбилеев... Во-вторых, есть композиторы более талантливые, чем я в песенном жанре. Например, такой самородок, как Соловьев-Седой. Я считаю его гениальным композитором в жанре песни. Или — Исаак Дунаевский. Блестящий был композитор. Или — Анатолий Новиков: его «Гимн демократической молодежи мира» пела вся планета. Это — классики нашей песни. Так что никакой я не патриарх. Были патриархи и до меня — не менее талантливые люди...

В середине 80-х наша песенная традиция была, нет, не утеряна, а задушена. Задушена политикой каналов массовой информации и прежде всего начальством телевидения и теми людьми, которые им руководили из ЦК. Самое прискорбное, что свои действия они прикрывали понятием «перестройка», которое, когда оно только зазвучало в нашем быту, воспринималось однозначно положительно, с каким бы смыслом и при каких бы обстоятельствах оно ни употреблялось.

То, что происходит сейчас... это — не песня, это ерунда. У того, что нынче выдается за песню, нет элементарной мелодической основы. Это просто стряпня

дилетантствующих музыкантов, которые решили, что они композиторы. Чтобы стать настоящим композитором, нужно проучиться, как минимум, 15 лет. А сейчас «композиторы» нажмут на компьютере три ноты, потом компьютер эти же три ноты скроет и даст им какую-то ритмическую основу... Я не знаю ни одной хорошей современной песни!

— Вы полагаете, что нашим композиторам хорошо бы подучиться?

— Всем надо учиться. Вообще, для того, чтобы стать мастером в какой-либо профессии, надо учиться. А все эти песни — какой-то мусор искусства. Разве это как-то прививается? Разве их поют? Ну, девочки и мальчишки — они иногда прихлопывают, притопывают в такт этим песням. Много ли им надо? Молодость, темперамент...

Чтобы работать в настоящем искусстве, надо быть профессионалом. Написать хорошую песню, может быть, даже труднее, чем написать симфонию, потому что в симфоническом жанре можно за многое спрятаться. В песне ты nowhere не спрятешься — есть мелодия, которая действует на человеческое сердце, которая захватывает его всего. Вот почему я говорю, что Соловьев-Седой был гениальный и самобытный композитор: он ни на кого не похож. Если у каких-то других композиторов песни могут быть откуда-то, то у него это — абсолютно самобытное песенное искусство. Я считаю его самым великим композитором нашей советской песни.

— А если перейти к нашему сегодняшнему дню, совсем нет имен?

— Исполнители есть — более талантливые, менее талантливые... Но я не вижу таких, которые бы особенно трогали мое сердце. Даже Большой театр сейчас опустился до такого уровня, что не представляет ни для кого ни образца, ни силы, ни увлекательности. Это не брюзжение старика, я говорю объективно. Еще, слава Богу, что работают и пишут песни Александра Пахмутова, Андрей Петров, Оскар Фельцман, Марк Минков. Я знаю, сейчас есть талантливые молодые композиторы, но они, к сожалению, работают только в крупной форме. Это очень трудно сейчас — завоевывать свое место в искусстве. Вот среди моих учеников есть Саша Чайковский — талантливейший композитор, который занимался у меня с самых своих отроческих лет. Сейчас он уже сам профессор, руководитель композиторской кафедры Московской консерватории, где я преподаю с 1964 года. За это время из моего композиторского класса вышло около 200 студентов. Из них многие проявили себя очень ярко. Могу назвать Вячеслава Овчинникова (помните, им написана музыка к фильму «Война и мир» Бондарчука); затем Татьяну Чудову, она тоже бывшая моя ученица, а теперь профессор и ассистент в моем композиторском классе. Учились у меня и Владимир Дубинин (автор музыки к опере «Аукцион» по пьесе Шеридана), и Валерия Беседина (ее балет «Суламифь» идет сейчас в Театре им. Немировича-Данченко), и Михаил Броннер... Все они — талантливы и любими мной.

Талантливым людям сейчас очень сложно выбраться на поверхность, так как, чтобы какой-нибудь оркестр тебя сыграл, нужно оркестру платить. А откуда у молодых композиторов деньги? Так что талантливых, профессиональных композиторов у нас много... Но, увы... А вот в области песни я не знаю ни одного человека. У Николаева раньше были отдельные песни. У Макаревича я что-то слышал. Но это не то песенное

творчество, которое захватывает сердца стилистическим единством.

— Как вы относитесь к использованию в музыке технических достижений — синтезаторов, звуковых спецэффектов и т.д.?

— Я не поклонник этого в музыке. Электромузыка эмоционально очень ограничена. В чем величие искусства? В человеческой индивидуальности. Человек вкладывает в искусство свою эмоции, переживания, душу. А электронный инструмент делает бездушную музыку. Я к ней отношусь хорошо: как всякая декоративная вещь, она имеет свой смысл и может быть использована в прикладных целях. Но заменить Искусство она не может, потому что ни человеческую руку, ни человеческую голову, ни человеческое сердце ничего не может заменить. В этом и заключается искусство!

— У каждого времени — своя музыка...

— У меня в музыке три бога: Бах, Чайковский и Прокофьев. Это — совершенно разные стили, разные эпохи, но они всегда были для меня ориентирами. Бах — величие человеческого духа. Чайковский — человечность, сердце. И Прокофьев — жизнеутверждение с неимоверной силой и оригинальностью: он является последователем всего великого, что было до него, и в то же время открыл совершенную новую сферу музыкального искусства. Это и есть путеводные звезды в моей жизни.

— На вашем жизненном пути встречались люди, составляющие цвет страны, соль Земли. Встречи с кем из них наиболее отложились в вашей душе и памяти?

— У меня было столько встреч со столькими людьми — начиная со Сталина и кончая незаметными, но очень талантливыми личностями, с которыми было приятно встречаться и общаться... Рассказать обо всех невозможно. О самых ярких своих встречах я попытался написать в книге воспоминаний «Так это было», которая вышла четыре года назад. Там есть и целый ряд документов, которые раскопали в архивах ЦК...

Одной из самых ярких моих встреч была встреча с Немировичем-Данченко, заказавшим мне, студенту консерватории, оперу «В бурю», которую он поставил в 1939 году в своем оперном театре...

Я дружил с крупнейшими людьми нашей культуры: с Александром Фадеевым, Наталией Сац, с Еленой Фобиановой и Михаилом Фобиановичем Гнесиным, оставившими после себя такой «комбинат искусств» — Академию Гнесиных. Моими учителями были — по композиции тот же Михаил Фобианович Гнесин, потом — Генрих Ильич Лягинский, потом — Виссарион Яковлевич Шебалин. По фортепиано я учился сначала у Кельмана, потом у Нейгауза. Эти крупнейшие музыканты впоследствии стали моими друзьями, и общение с ними оказывало на меня большое и полезное влияние...

Свою книгу «Так это было», вышедшую четыре года назад, Тихон Николаевич закончил так: «Мог бы еще о многом рассказать... Жизнь стремительно изменилась. А события 19—21 августа 1991 года и вовсе стремительно опрокинули десятилетиями складывавшиеся устои и представления. Мы шагнули в другой мир. Надо думать, как жить дальше».

Беседовали
Евгения УЛЬЧЕНКО
и Александр БЕЛЯЕВ.

Фото Н.КОЧНЕВА.